

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИДЕАЛИЗМЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Г.Е. Мирзоян

*«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет
делаться, и нет ничего нового под солнцем»
(Библия, книга Екклесиаста, Гл. I, 9)*

Говорить о значении Гоголя – это значит говорить о всей России, о русских народных сказках, о русском театре, о литературе, где Гоголь оставил след навсегда и всем, и не только русским. Одна из главных причин непрестанного и вечно живого обаяния гоголевского творчества – его идеализм. нас окружают два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки друг от друга, и только человек является логически непримиримым соединением. Мы всегда ищем пути сближения мира вещей с миром духовным. Очищая, просветляя и возвышая телесную жизнь божественным прикосновением к ней мира идеального. В этом заключается, по всей вероятности, вся красота и весь смысл нашего существования. Если мы стремимся к совершенствованию или же жертвуем собою для блага других – это волны мира идей. Это значит, что в нас созвучно затрепетала наша душа.

И если вдруг почувствуем радостный трепет, угадав какую-то вечную красоту в творческом подборе звуков и красок, значит нам удалось на миг освободиться от ига вещей и созерцать вечное, как говорил Лермонтов: «И в небесах я вижу бога!».

Та область жизни, где вещи покорены идеями и идеальный мир захватывает нас благодаря тому, что он заключен в обманчивую, символическую оболочку вещественности, называется искусством.

Мир идей наиболее ясней, совершенней и разумней передается искусством слова, где самый материал – язык – также является искусством. Из всех искусств поэзия является самым образовательным: она теснее всех связана с умственной и нравственной жизнью человека.

Созданные писателем символы, переданные через сложный мир ощущений, по-разному ощущаются людьми. Мы по-своему понимаем и чувствуем Чичикова, воспринимаем его иначе, чем современники Гоголя, может быть намного глубже, тоньше и полнее, и только потому, что образы, созданные Гоголем стали символами. Мы с брезгливостью говорим: «Он как Плюшкин», т.е. отрекаемся от пошлости, вложенной в этот образ. Посмотрите кругом – мы постоянно видим их – Чичиковых, Маниловых, Ноздревых и т.д.

При первом впечатлении от гоголевского творчества нам кажется, что его главная сила заключается именно в полноте иллюзии жизни, т.е. совершенстве вещественной оболочки.

У Гоголя есть две повести: одну он посвятил «Носу», другую глазам («Портрет»). Первая – веселая повесть, вторая – страшная. Это две эмблемы – телесности и духовности. Обе повести различны по своему настрою и не похожи одна на другую, обе они как будто составляют одно целое – лицо. Лицо не одного человека, а лица, лица, наполненные бессмысленной жизнью, бесконечным мытарством и исканиями. Глаза в «Портрете» – выражение человеческой античеловечности, говоря современной лексикой – глаза человека с отрицательной энергетикой. По Гоголю их надо остерегаться, хотя сначала приходится в них посмотреть, ведь глаза – это зеркало души. В своих письмах Гоголь много раз говорил об этом и, по всей вероятности, остерегался этого и боялся.

Любая страница Гоголя поражает нас его стремлением не только к правдоподобию, но и наглядности в передаче жизни, и какой-то страстной чуткостью, зоркостью наблюдателя.

Действительность в самых мимолетных из ее оттенков Гоголь умел передавать состояние души, сердечные переживания, наполненные иногда прекрасным юмором. А как Гоголь гениально передавал изображение дороги: поля, пестрая застава, тихий городок в каланчой и церковью, залитой лунными лучами, въезд в усадьбу; классическая запряжка Чичикова, его Селифан, чубарый, круглое стеклышко, сквозь которое Чичиков смотрел на гроб прокурора; даже колесо, которое до Москвы доедет, а до Казани не доедет – стали бессмертны. Это самые совершенные из типов Гоголя: такую яркую жизненность умел разливать Гоголь на все, до чего ни касался он своим магическим пером.

Правда изображений у Гоголя развивалась постепенно, как и их высокий идеализм. Плодами своеобразной смеси реального с фантастическим под пером Гоголя превращались в высокохудожественные произведения, наполненные символами. Сам Гоголь, говоря о Тарасе Бульбе и, особенно о Вие, указывал на положительные и светлые элементы своей идиллии исторической повести.

Действительно, трудно представить себе идеализм более кристаллический и прозрачный, неограничиваемо-обаятельный, чем идеализм этих произведений. Такая чистая кристалльность и в «Старосветских помещиках», хотя, кстати, не в этом только сила этого произведения. Сила его в свободном полете описанных явлений и в величии духа, иначе говоря, в творческой вершине идеализма.

Описывая в «Портрете» домохозяина Чарткова, Гоголь сам остерегал читателя не походить на того пошлого человека, общего, безыменного тусклого человека, который гнездится в каждом из нас. Существование без умственных интересов, искусства, привязанностей, будущего-это страшнее всех Бивес сказок.

После безразличного сказочного идеализма юности, после светлого идеализма «Старосветских помещиков» и «Тараса», после таинственного «Вия», после того, как идеализм Гоголя сказал: «и скучно, и странно», он создал еще две формы идеализма – «карающую» («Шинель») и «эстетическую» («Мертвые души»). «Карающий» идеализм Гоголя – это победный золотой луч солнца в затхлом подвале маленького человека.

В «Ревизоре» словами городничего «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» идеализм Гоголя встревожил укором не одно поколение людей.

Создатель «Мертвых душ» впитал в себя умы нескольких поколений и едва ли кто и когда-нибудь разберется в чудовищной лаборатории «Похождений Чичикова». Эстетическая красота не обделила ни единой строки «Мертвых душ», и заплесневелая корка сухаря у Плюшкина отнюдь не менее прекрасна, чем белоствольная береза в его саду. Пушкин, вдохновитель написания поэмы Гоголем, прослушав «Мертвые души», сказал: «Как грустна наша Россия».

Если говорить о степени, о широте идеалистических образов, то достаточно снова прочитать «Мертвые души». Русская литература не знает произведения большей идеалистической энергии. То, что мы называем реализмом Гоголя, есть нечто высшее: это не столько точность, сколько *красота* изображений, их высшая разумность и целесообразность; это та исключительная сила художественного внушения, которая заставляет нас сосредоточивать вокруг проходящей мимо нас сцены множества фактов нашего собственного миропонимания и самосознания. Символы великой русской эпопеи слишком широки и прекрасны для реального мира.

На самом деле, где, собственно, происходит действие «Мертвых душ»? Из какой полосы России взят Коробочка, Митяи и Меньяи? Какая среда, украинская или велокорусская, выпустила Чичикова? В «Мертвых душах» можно ли узнать, в какие годы происходит действие? И какая в сущности это за страна?

Конечно, вся эта романтическая неопределенность не только не ослабляет художественного значения «Мертвых душ», а наоборот, делает ее универсальной. Пусть бы вместо России Гоголь бы изобразил любую другую страну, все равно, засверкали бы ярко великолепные, дышащие жизнью символы, в которых светятся мириады наблюдений, отразившиеся в чуткой творческой душе Гоголя. Он гениально открывал жизнь, достойную божественного смеха там, где другой глаз не увидел бы ничего, кроме плесени. Зачастую жизнь у Гоголя не боится сверкать бессмыслицей анекдота, потому что сама действительность в общем-то и похожа на анекдот.

Закончить статью хотелось бы самой прекрасной идеализированной Гоголем птицей-тройкой, где Гоголь прямо задает вопрос: «Русь, куда же мчишься ты? Дай ответ – не дает ответа».

Волшебный, идеализированный образ своей страны, похожий на птицу-тройку, поражает читателя. Особенно велико это удивление современному поколению, которое своими глазами увидело, восприняло и соотнесло его с Гоголевским текстом, поскольку нет предела полета фантазии Гоголя, но есть материализация его волшебной смекалки и романтической выдумки. И правы были русские критики, современники Гоголя, говоря о том, что роль Гоголя в жизни общества будет еще более возрастать в жизни последующих новых поколений.

Ամփոփում

Հորվածում Ե.Վ. Գոգոլի հանրահայտ գործերի վերլուծության հիման վրա բացահայտվում է նրա գեղարվեստական ստեղծագործությունների իդեալիստական կողմը՝ հիմնված առաջին անհայտության և դասական գրականության խորհրդանշանների վրա:

Լիտերատուրա

1. Гоголь Н. В., Собр.соч. в 14-ти томах. Т.10, М., 1952, стр. 167-168.
2. Гоголь Н. В., "Мертвые души", т.1, гл.XI.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1947.
4. Воровский В.В. Литературно-критические статьи. М., 1956.